

ИТАЛЬЯНСКИЙ ТРАНЗИТ: К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИТАЛИИ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

При постановке вопроса об итальянской внешней политике после второй мировой войны, прежде всего, важно понять, о каком периоде идет речь. Проблема заключается не только в том, что трудно установить, когда начинается послевоенный период, но и в том, что не менее сложно определить, когда он заканчивается. Если суммировать все события международных отношений, то становится очевидным, что для Италии послевоенный период начинается уже в конце 1943 г., в период Тегеранской конференции, в ходе которой произошли самые существенные переговоры между союзными государствами о разграничении сфер влияния.

Договор о перемирии был подписан правительством Бадольо 8 сентября 1943 г., но только с англо-американскими союзниками. Еще сложнее определить хронологические рамки итальянского послевоенного периода. С чем их связывать: с присоединением к Атлантическому союзу или с вступлением в ООН или в связи с разрушением берлинской стены, которое освободило Италию от идеологической зависимости, продолжавшейся столь долго в послевоенный период.

Тем не менее, спустя десятки лет после подписания Италией мирного договора мы можем определенно утверждать, что международное положение Италии не слишком отличалось от того, в котором находились другие европейские государства. В 1943 г. это была разделенная нация, потерпевшая поражение, раздираемая гражданской войной, оккупированная иностранными армиями, лишенная собственных вооруженных сил, с разрушенной экономикой, с колониальной империей, находящейся под контролем британских войск, с сухопутными границами, неделимости которых угрожают амбициозные соседи (Франция и Югославия) и даже Австрия.

С 1957 г. Италия становится полноправным членом наиболее важных международных организаций и не второстепенным членом всех европейских структур, в образовании значительной части которых она приняла участие. В рамках биполярной системы она была ответственным актором в Средиземноморье и на Ближнем Востоке, заняв место двух некогда великих европейских держав Великобритании и Франции, утративших свои позиции в этом регионе вслед за Суэцким кризисом.

Исходя из нового международного сценария, разработанного в ходе Тегеранской конференции, а затем из условий, созданных холодной войной, Италии сложно было найти себя в международных отношениях в качестве самостоятельного международного актора. Поворотными моментами в международном возрождении Италии были первые шесть лет, начиная от перемирия и до вступления в Североатлантический союз и в Совет Европы весной 1949 г. В течение этого времени Италия восстановила свои институты, создала фундамент своей политической системы, разработала концептуальный проект ее внешней

политики, включая принципиальный выбор системы ее экономического, социального и политического развития и мирового порядка.

Следует отметить три противоречивые фазы динамики этого периода:

первая, наиболее трудная фаза, охватывающая период от поражения или от подписания перемирия до завершения мирового конфликта в августе 1945 г.;

вторая, завершается визитом Председателя Совета Министров Альчиде Де Гаспери в США в январе 1947 г., это была фаза неопределенного положения в новой формирующейся международной системе или, можно сказать, неопределенной зависимости;

третья, была фазой фундаментального выбора, который закрепил окончательно выбор атлантической оси.

Первая фаза совпала с многими аспектами курса так называемого мятежного Южного Королевства, с центром в Бриндизи на следующий день после капитуляции, затем правительство переместилось в Салерно и, наконец, в Рим после освобождения города в апреле 1945 г. Что касается правительств, которые в течение этих двух лет сменяли друг друга, они несли двойную ответственность — выполняли сложнейшую работу по консолидации достаточно зыбкого государственного статуса и взаимодействовали с оккупационными структурами.

Эта ответственность временного руководства постоянно менялась и часто приходила в противоречие с интересами выходивших из подполья политических партий, и переплеталась с борьбой за освобождение Севера и с меняющейся военной ситуацией, в ходе которой список стран-победителей пронизанным сильным реваншистским духом. неуклонно расширялся, прежде всего, за счет Франции, Югославии, а затем Греции и Эфиопии,

Работа по реконструкции итальянской внешней политики была начата практически с нуля карьерным дипломатом, монархистом, не замеченным в компромиссе с фашизмом, Ренато Прунасом, в миниатюрном министерстве иностранных дел в Бриндизи. Он был призван главой временного правительства Пьетро Бадольо и министром иностранных дел Рафаэле Гуарилья для исполнения обязанностей Генерального секретаря МИДа. Как установлено историками, Прунас был ключевой фигурой в этой первой фазе постфашистской итальянской внешней политики и важным персонажем, обеспечивавшим преемственность между двумя временными правительствами, возглавляемыми Бадольо, и четвертым правительством национального единства, которое просуществовало до января 1947 г. Он фактически сохранил свои функции даже после перехода министерства в руки лидера демохристиан Альчиде Де Гаспери, чьим наиболее влиятельным советником он являлся.

Проект Прунаса был наиболее амбициозным и заключался в том, чтобы трансформировать Италию из потерпевшего поражение врага в союзника будущих победителей и, в конечном итоге, добиться более благоприятных мирных условий для Италии..

Сконцентрированные на достижении этих целей, итальянские политико-дипломатические действия вскоре столкнулись с тремя проблемами: как уйти от оценки фашистского поражения в качестве национального; как принять изменения в новом международном сценарии; как оценить всю ирреалистичность положения Италии в качестве оккупированной страны, находящейся под полити-

ческим контролем, крупной союзнической силы, заинтересованной в сохранении собственной сферы влияния.

«Внешние» инициативы этого периода, как они виделись из маленького министерства иностранных дел Ренато Прунасом, или лидерами политических партий, или правительствами национального единства, не настраивали на разговор о новой внешней политике или о новом международном равновесии, или о реальных возможностях страны, потерпевшей поражение.

Речь шла зачастую о неподготовленных инициативах и по многим аспектам анахронических, в которых все еще проявлялись иллюзии или, можно сказать, надежды на то, что Италия сможет продолжать действовать согласно собственным традициям внешней политики. Это были иллюзии или надежды на то, что Италия, хоть и ослабленная, все-таки окажется способной вмешаться эффективно, используя дипломатические средства и разыгрывая собственные карты, в защиту собственных интересов. Но – в реальности – какие карты Италия могла эффективно предъявить? И могли ли они иметь какую-либо ценность? Объявление войны Германии в октябре 1943 г. имело определенное символическое значение для разрыва с прошлым, что союзники могли позитивно оценить, однако этого оказалось недостаточно, как вскоре выяснил Бадольо для признания за Италией статуса союзного государства.

Очевидные системные противоречия между англосаксонскими государствами и Советским Союзом и разногласия между Великобританией и США об институциональном будущем Италии могли открыть, если разумно действовать, некоторое поле для маневров. Однако умение использовать это узкое пространство не было сильной стороной итальянского руководства. Это стало ясно в период осуществления первой дипломатической инициативы правительства Бадольо, связанной с переговорами с советскими представителями в январе – марте 1944 г. по поводу возвращения в Италию коммунистического лидера Пальмиро Тольятти. Сам факт переговоров означал формальное признание итальянского правительства со стороны Москвы.

В переговорах с Москвой проявилась склонность итальянского руководства к макиавеллизму и к двойственности. Одному из победителей, Советскому Союзу, было показано, что Италия может ослабить свои отношения с другими двумя странами-победительницами. Для англосаксонских государств, которые держали итальянское руководство в жесткой дипломатической изоляции, создав, как утверждал Прунас, вокруг Италии подлинную китайскую стену, было важно, чтобы поражение не истощало итальянские ресурсы и чтобы границы ее автономии не позволяли забывать о том, что страна является оккупированной.

Прунас стремился к достижению тройственных целей: консолидировать народную основу правительства, возглавляемого Бадольо, расширив его за счет коммунистов; восстановить для Италии статус международного посредника; ослабить давление оккупационных властей.

Во внутренней политике итальянскому правительству сопутствовал успех. Достижение компромисса с коммунистами позволило усилить правительство Бадольо и, косвенно, на короткое время, монархию.

Однако в международном плане положение Италии существенно не улучшилось. Нормализация отношений с Советским Союзом не расчистила путь к формальному признанию итальянского правительства даже со стороны окку-

пационных держав и не ослабила контроль с их стороны. Напротив, возвращение Советского Союза в итальянские дела через дипломатические отношения усилило недоверие англосаксонских держав к внутриполитическому развитию в стране и к решению институциональных вопросов.

С другой стороны, они могли делать ставку на развитие отношений с Советским Союзом. Сталин не избежал искушения воспользоваться предложением по расширению собственной стратегии идеологического проникновения также на Италию, но его отношение к итальянским миро строительным намерениям не являлось враждебным.

Итальянцы стремились использовать противоречия в англо-американском блоке для решения вопросов, связанных с решением институциональных вопросов, которые находились в плоскости между предложениями монархистов, жесткими намерениями англичан и республиканскими устремлениями Вашингтона, подогретыми итало-американскими избирателями в США.. Среди наиболее неумелых действий итальянской дипломатии, вызванных желанием угодить Соединенным Штатам, можно назвать объявление войны Японии 14 июля 1945 г.

Посол в Вашингтоне Альберто Таркиани, который настаивал на этой инициативе, утверждал, что принятие решения может стать важным для выражения союзнической солидарности и будет занесено в актив Италии при подписании мирных договоров.

И действительно, максимум, чего удалось добиться этой инициативой Италии, это проявление американцами легкого удовлетворения позицией правительства Ферруччо Парри и не более того. Завершение конфликта привело к установлению фазы, которую можно назвать «неопределенной зависимостью». Внутренние проблемы, оставленные в наследство фашистским режимом, – разрушенная экономика, кризис ценностей, отсутствующий общественный порядок – тяжелым грузом лежали на плечах итальянских политических сил.

Италия была страной бедной, голодной, лишенной надежд и далекой от восстановления собственного суверенитета, несмотря на попытки ее трансформации из врага в союзника. Ее настоящее и будущее были в руках победителей и это было очевидно, равно как и то, что США были реальными хозяевами Италии.

Сильная неуверенность также была отправным пунктом того, что составляло будущее Италии: благоволение со стороны американского руководства или политические и стратегические интересы Великобритании или возможное участие в «великом союзе», переосмысливающим мировой порядок или, напротив, участие в его трансформации в результате столкновения между демократическими государствами и Советским Союзом.

Для итальянцев международный сценарий был наполнен самыми разными вариантами, и каждый из них предполагал набор различных стратегий и подходов. Одним из наиболее реальных вариантов оставалось уповать на благосклонность тех, кто разрабатывал условия мирных договоров. Решив не без внешнего вмешательства референдумом 2 июня 1946 г. институциональный вопрос, новорожденная Итальянская республика свой каждый последующий шаг направляла на улучшение мирных условий по сравнению с теми, которые победители уже спрограммировали.

С октября 1946 г. на передовую линию вышел министр иностранных дел Альcide Де Гаспери, который совмещал этот пост с должностью главы правительства. Рядом с ним были также лидеры других итальянских политических сил. Каждый стремился преодолеть уже вынесенный вердикт, и каждый стремился следовать своей тактике и своему плану. Отсутствовала общая и логичная стратегия.

Все придерживались своих идеологических предпочтений. Шла работа над тем, чтобы нейтрализовать наиболее враждебную по отношению к Италии Великобританию и добиться расположения менее вовлеченного в средиземноморские проблемы Советского Союза, или умерить реваншистские настроения стран, которые натерпелись от фашистского режима – Франции и Югославии – и обратить на себя внимание Соединенных Штатов, которые стремились вытащить Италию, засыпанную пеплом поражения, на поверхность.

В Италии все политические силы пробовали на свой манер использовать преимущества или недостатки в своих интересах, чтобы нажить геополитический капитал, который помог бы восстановить Италию целостной и сильной в ее роли международного актора. Вплоть до заключительной фазы переговоров ни одна из сторон не имела полного представления о намерениях великих держав. Все политики, особенно националисты, культивировали убеждение, что Италия еще способна реализовать свою политику силы. Все считали, что она может использовать противоречия между победителями для того, чтобы наряду с национальными интересами отстоять государственные границы и колонии дофашистского периода.

Лидер социалистической партии Пьетро Ненни делал ставку на естественную политическую солидарность с британским лейбористским правительством Клементы Эттли. Тольятти стремился использовать идеологическую близость к югославскому лидеру Тито и Советскому Союзу для благоприятного решения проблемы Триеста. Де Гаспери акцентировал внимание на европейской роли Италии в борьбе против надвигающейся «красной опасности».

В действительности Великобритания очень рассчитывала погреть руки на бывших итальянских колониях. Тито продолжал вести себя как самый враждебный Италии победитель, а Советский Союз поддерживал югославские претензии на Венецию Джулию.

Таким образом, когда речь зашла об условиях мирного договора, никто не выступил в защиту Италии, в том числе США, занятые в тот момент больше решением германской проблемы. Безразличие, проявленное американской дипломатией, могло объясняться стремлением США договориться с советским союзником за счет Италии. Вполне возможно, что Вашингтон не хотел промедления в заключении мирных договоров. В итоге Италия заплатила слишком высокую цену за восстановление собственного суверенитета и за свободу осуществлять новую внешнюю политику, не опасаясь выставления определенных условий со стороны Советского Союза, но и не в качестве страны-победительницы.

Под этим углом можно взглянуть на американское отношение к мирному договору с Италией, учитывая, что 6 сентября государственный секретарь США Бирнс заявил в Штутгарте, что он будет последовательно добиваться экономического и политического восстановления Западной Германии. Исходя из этого решения, Вашингтон, с одной стороны, не возвращался к сотрудничеству с Со-

ветским Союзом в этом вопросе, а, с другой стороны, обозначил глубокие изменения в своей внешней политике. Эти изменения не могли не сказаться на американской политике в отношении Италии.

Такие деятели, как посол в Вашингтоне Альберто Таркиани и сам Де Гаспери, возможно, не оценили тотчас и по существу молчание Вашингтона в отношении тяжелых статей договора, поставленных перед Италией. Они быстро поняли, что американское присутствие в Европе будет не эпизодическим, как это представлялось. Они почувствовали, что европейская политика США становится более активной и проходит под антисоветским знаком и что она предполагает сотрудничество с побежденными странами. Сравнивая конфликтность германской ситуации с положением, в котором находилась Италия, они видели потенциальные возможности улучшения международного и внутреннего положения Италии. Большая часть политических сил Италии и Ватикан пришли к выводу, что в этом новом международном контексте лучшим выбором для Италии была бы осторожная внешняя политика. Де Гаспери, однако, был иного мнения. Он отлично понимал, что идет процесс полюсного размежевания мировой политики, а с ним остаются в далеком прошлом универсальные подходы, в рамках которых развивалась внутренняя и внешняя политика Италии. Ему было ясно, что эти схемы подталкивают Италию на опасный путь движения к коммунизму в обстановке полной индифферентности Запада.

Исходя из этого анализа осенью 1946 г. Де Гаспери осуществил своеобразный поворот в итальянской внутренней и внешней политике. Безусловным вдохновителем поворота был Де Гаспери, но не менее важную роль сыграли также Альберто Таркиани и Карло Сфорца. Последний был не только хорошим знатоком и другом Соединенных Штатов, но и убежденным европеистом.

С февраля 1947 г. поворот был осуществлен по трем направлениям. Одно дополняло другое. Утверждение биполярной схемы развивалось как рисунок внутренней и международной политики Италии, становления всего внутреннего политического порядка, и экономического восстановления.

Взятое на себя обязательство по созданию западноевропейской платформы в рамках итальянской внешней политики помогло воссоздать автономию и оригинальность пути. Что касается предпосылок, то одна из них была особенно болезненной, другая сложной и весьма деликатной, но обе были лишены альтернатив.

Прежде всего, необходимо было подписать мирный договор, осторожно добиваясь устранения его наиболее неприятных пунктов и добиваясь вступления Италии в международное поле в качестве независимого международно-правового участника и освобождаясь от статуса оккупированной вражеской территории. На втором месте находилась проблема национального единства, которую правительство принимало во внимание, начиная с момента освобождения Рима. Однако ее решение отягощалось политическим параличом, ставшим результатом противоречий во внутренней и международной жизни между левыми и умеренными силами, которые отражали и воспроизводили формирующийся биполярный конфликт.

В рамках этой политической динамики состоялся визит Де Гаспери в США в январе 1947 г. Вопреки распространенному мнению, этот визит не был спланирован в рамках выбора, осуществленного Де Гаспери в предшествующие месяцы. Его можно рассматривать в контексте отправного пункта движения, ко-

торое привело к «логике объединения» с тем, чтобы занять позицию «силового сосуществования» с социалистами Ненни и коммунистами, без которого невозможно было бы достичь важных политических результатов.

Прежде всего, речь шла о включении в новую итальянскую конституцию Латеранских соглашений с Ватиканом и о ратификации мирного договора.

В сущности, решение убрать левые силы из правительства было принято до отъезда Де Гаспери в США. Визит должен был послужить подтверждением этого шага и обсуждению возможных последствий, а также получения экономической помощи и политической солидарности со стороны США с теми политическими силами, которые представлял Де Гаспери. По сути, речь шла о том, чтобы убедить американцев в устойчивости новой республиканской Италии и в возможности доверять лично ему, Де Гаспери, как гаранту демократического развития страны, ее реконструкции и стабилизации в гармонии с проамериканской ориентацией внешней политики. Заем и конкретную помощь, о которых просил Де Гаспери, не были столь значительными, но результаты оказались выше ожидаемых. На деле со стороны американских руководителей оставались некоторые сомнения относительно стабильности итальянской демократии (вплоть до политических выборов 1948 г.).

Неопределенность политической и социальной ситуации в Италии являлась одной из главных европейских проблем, в том числе вызванных неясностью намерений демохристианского правительства установить взаимосвязь между политикой и экономикой. Необходимо обратить внимание еще на одну расхожую ошибку, которая имеет место в оценке визита Де Гаспери в США как «американского выбора» Италии. Христианская демократия не имела никакой склонности развиваться политически и идеологически в типичную американскую партию в соответствии с империалистической логикой западной ориентации. Для Де Гаспери, как и для Карло Сфорца, подлинный выбор был западноевропейским, а не проамериканским. Американским было то, что проистекало из довлеющей необходимости обеспечить Италии экономическую и финансовую помощь США, но и в данном случае все проходило под знаком европейского выбора. Иными словами европеизм являлся итальянским выбором, но в условиях американской гегемонии.

31 мая 1947 г. Де Гаспери сформировал свое четвертое правительство. В отличие от предшествующих, новое правительство не включало коммунистов, а социалисты были представлены только социал-демократическим меньшинством во главе с Дж. Сарагатом. Перед этим – в январе 1947 г. – Дж. Сарагат дистанцировался от социалистической партии П. Ненни в связи с заключением ею пакта действий с коммунистами и основал новую Итальянскую социал-демократическую партию, более умеренную и расположенную к принятию экономической программы либеристского типа. Удаление социалистов и коммунистов из правительства не было инициировано Вашингтоном, однако находилось в полном согласии с тем, что ждали американцы от Италии. Американская экономическая поддержка была весомой и, самое главное, Италия стала выходить из международной изоляции. Ее запрос на участие в плане Маршалла был немедленно удовлетворен.

Как известно, вслед за отказом Советского Союза присоединиться к плану Маршалла последовало размежевание между капиталистической и социали-

стической системами, что привело к аналогичному европейскому размежеванию на две подсистемы. Итальянские коммунисты и социалисты прекрасно понимали, что без американской помощи невозможно реконструировать страну, однако под нажимом Москвы навешивали ярлыки на политику «американского империализма» в Италии.

Присоединившись к плану Маршалла, итальянское правительство осуществило прагматический выбор или, правильнее сказать, неизбежный выбор в условиях отсутствия какой-либо альтернативы. Как говорил министр иностранных дел Карло Сфорца, это позволило бы «вернуть себе чувство собственного достоинства» и «восстановить место Италии среди европейских наций». Осуществив таким образом выбор политического лагеря, итальянское руководство отдавало себе отчет в том, что в нем осуществлялась американская гегемония, но его идеологические границы определялись самими европейцами. В то время как Советский Союз обязывал своих сателлитов строго следовать за ним.

Если рассматривать присоединение Италии к плану Маршалла с точки зрения «американского выбора», включая не только экономическое, но политическое и культурное подчинение США, то такой вывод не является убедительным.

С другой стороны, имеются заявления Сфорца и самого Де Гаспери, которые подчеркивали значение плана Маршалла для реконструкции и интеграции Европы, что побуждает поверить в то, что они связывали преобразования с развитием западного европейского проекта. Оба признавали безусловным примат США и их право оказывать влияние на страны-получатели помощи, согласно собственным американским политическим интересам. Вместе с тем они были убеждены в способности европейских наций создать собственный противовес как американскому, так и советскому влиянию, исходя из особых европейских ценностей и интересов. Исходя из этого политико-идеологического смысла, который Де Гаспери и Сфорца намеревались придать плану, предложенному Вашингтоном, можно лучше понять природу их европеизма.

В историографии, как правило, утверждаются упрощенные оценки соотношения международных и национальных целей, которые преследовали итальянские руководители, в частности, о косметическом характере их действий, которое прикрывало истинные намерения. В действительности, трудно найти однозначный ответ. С одной стороны итальянские руководители следовали логике американского плана «безусловного принятия идей европейской солидарности, выраженных в Гарвардской декларации». Вместе с тем, нет сомнений в том, что заявленные Сфорца обязательства «в отношении новой объединенной Европы, которая на деле перечеркивает разделение на победителей и побежденных», соответствовало национальным интересам.

Однако было бы исторически некорректным недооценивать подлинно европеистский импульс, который вдохновлял их проект, и придавал ему исключительно национальные цели. Но европеизм его авторов характеризуется не только этим. Можно и по иному поставить вопрос. Если исходить из того, что это был политически сложный проект Де Гаспери – правительства без левых и Италии в западном блоке, но не подчиненного США, то очевидным было усиление европеистского компонента во внешней политике Италии.

Доказательствами могут служить заключение таможенного союза с Францией, взятые на себя обязательства в отношении Организации Европейско-

го Экономического Сотрудничества. Немедленное присоединение к другой европейской организации (СЕСА) и, наконец, усилия по трансформации CED в подлинную организацию Европейское политическое сообщество. Вплоть до сегодняшнего дня этот проект остается наиболее важным для трансформации Европейского сообщества в подлинного актора международных отношений.

Возможно, это отношение Де Гаспери было связано с появлением проекта о заключении Западного союза, военного союза между Великобританией, Францией и странами Бенилюкса, предложенного британским министром иностранных дел Бевином в январе 1948 г.

Цели Бевина были достаточно прозрачными – противопоставить западную Европу строящемуся советскому блоку и создать партнерство, уравновешивающее влияние США. По каким причинам Де Гаспери все-таки решил не ставить свою подпись под пактом 17 марта 1948 г.?

Своим сотрудникам Де Гаспери объяснял это в качестве политического обязательства в преддверии референдума, который должен был дать жизнь первому республиканскому парламенту. Это объяснение не ограничивало мотивы его отказа. В умеренных кругах партии Де Гаспери были широко распространены нейтралистские чувства, вызванные разными обстоятельствами, в т.ч. покаянными чувствами в связи с союзом с нацистской Германией и даже в связи с жесткими условиями мирного договора. Вопреки ожиданиям Де Гаспери и Сфорца выступили против предложения Бевина не в виде определенного отказа, а в виде предложения, что присоединение к пакту с неизбежностью приведет к установлению равенства с другими союзными государствами, что автоматически дезавуирует статьи Мирного договора.

Могла ли Италия в тот момент ставить свои условия? Де Гаспери, очевидно, полагал, что да. Участие Италии в Западном блоке могло придать ему определенную ценность. Многие исследователи затем поставят Де Гаспери в вину, что он не использовал этот шанс для пересмотра Мирного договора. Де Гаспери не хотел, чтобы его действия рассматривались как политический «шантаж».

Как потом отметил Таркиани, отказ Де Гаспери рассматривался в Вашингтоне с некоторой горечью, но неоднозначно и «как проявление нашего упорства в лавировании между Востоком и Западом». Это недоверие еще больше усилилось, когда вследствие неприсоединения к Брюссельскому пакту последовал отказ от приобретения оружия, предложенного Соединенными Штатами, чтобы создать условия итальянскому правительству для организации отпора коммунистическим провокациям. Согласно видению Де Гаспери, а также Сфорца и большей части итальянских дипломатов Италия не нуждалась в прямой или косвенной военной поддержке для осуществления возможных операций против нарушения внутреннего политического равновесия. То, в чем Италия более всего нуждалась, относилось к сфере экономических гарантий для осуществления быстрой экономической реконструкции страны.

Де Гаспери надеялся сохранить роль привилегированного посредника в диалоге с Соединенными Штатами Америки, но не намеревался стать их пленниками. Он продемонстрировал это еще в ходе избирательной кампании политических выборов 18 апреля 1948 г.

Предвыборные баталии в ходе первых республиканских парламентских выборов развертывались в условиях, когда внешняя политика имела большое

значение, но демохристианское руководство было очень внимательно к тому, чтобы парламентские выборы не выглядели как референдум по будущему отношений Италии с США или с СССР и не являлись выбором между идеологическими системами или цивилизационными моделями. Незначительными были голоса в христианско-демократической партии, которые настаивали на подчеркивании исключительно американского выбора Италии и жестком противодействии левым.

Но постепенно логика холодной войны не оставляла пространства для изысканных проявлений и толкала Италию к выбору определенного лагеря. Эпохальный поворот во внешней политике был связан с резолюцией Ванденберга в американском Сенате, в которой впервые в истории этой страны правительство было уполномочено заключать союзы в мирное время и вне границ американского региона.

Англо-франко-американское соглашение по созданию Западной Германии вызвало жесткую реакцию Москвы в виде блокады Берлина. За этим последовали переговоры о создании Атлантического союза и подписание Брюссельского пакта. Эти события подтолкнули нейтралистскую Италию или, можно сказать, страну «третьей силы» к военному союзу с США и к признанию тотальной американской гегемонии.

Это был трудный процесс, наполненный разного рода осложнениями. Прежде всего, ни один потенциальный партнер, за исключением Франции и то по причинам исключительно инструментальным, в начальной фазе переговоров не проявлял заинтересованности во включении Италии в альянс. Во-вторых, итальянское общественное мнение не было расположено к вступлению в какие-либо союзы и выражало желание сохранить свои межблоковые позиции. Однако Де Гаспери, правительство и правящие круги приходили к выводу, что атлантическая ориентация Италии является единственной возможностью для обеспечения Италии стабильности и безопасности. Важнейшую роль в разработке этого политического курса играли Сфорца и Таркиани, а также такие дипломаты как Гастоне Гвидотти, который работал в МИД, посол в Париже Пьетро Кварони и посол в Лондоне Галларатти Скотти. Их деятельность не сосредоточивалась только на внешнем фронте с целью утверждения, что Италия как бывшая вражеская страна, слабая, мафиозная, может стать достойным атлантическим партнером. Их усилия направлялись также на внутренний фронт, чтобы доказать необходимость и неизбежность атлантического выбора Италии.

Несмотря на различие аргументации все были согласны в том, что в итальянском случае невозможна была реализация концепции «мир + нейтралитет» из-за наличия полувоенной организации коммунистической партии, которая по своей природе не могла позволить правительству проводить подлинно нейтральную активную позицию. Этот последний мотив был также решающим для самого Де Гаспери. Не последнюю роль в этом сыграл арест коммунистами в Венгрии кардинала Миндсенти, что также повлияло на позицию Ватикана в оценке атлантического выбора Италии.

Против вступления в союз выступили, естественно, левые силы, а также антиамериканские крайне правые. Среди дипломатов, выступавших против присоединения Италии к союзу были итальянский посол в Москве Манлио Брозио и некоторые левые христианские демократы. Отдельные католические интегри-

сты выступали против союза, поскольку считали, что итальянская судьба является европейской, а не атлантической. Однако «европеистские горизонты» были пока еще неопределенными и среди будущих сценариев преобладала советизация Восточной части европейского континента, очевидная сложность федералистских проектов, нереальность проектов «третьей силы».

Объединенная Европа пока оставалась мифом, а не реальным политическим проектом, и, как представлялось Де Гаспери и Сфорца, еще предстояло трансформировать этот миф в реальную политику. Как это случилось в период принятия плана Маршалла необходимо было установить взаимосвязь между проектом европейского единства и атлантическим сотрудничеством. Европеизм и атлантизм были представлены как две стороны одной медали: в тени атлантического союза реализуется единство старого континента, даже если ограниченное западной Европой, где Италия обретает свою стабильность и процветание.

Конечно, политическое значение этого выбора отвергалось некоторыми политическими силами, прежде всего левыми, и разделило итальянское общество и даже саму христианскую демократию и католический мир, который представляла эта партия.

В начале 50-х гг. имели место дебаты относительно того, что значит быть европейцами и как связывать этот статус с участием в Атлантическом союзе. Эти дебаты не являлись только проатлантическими. Для католической левой это было, прежде всего, фактором увеличения риска втягивания Италии в войну, для профсоюзного компонента, связанного с христианской демократией, это являлось предпосылкой экономического роста страны, для дипломатов, аккредитованных в Вашингтоне, это было условием приобретения Италией международного престижа, для Де Гаспери это было связано с надеждой на реализацию национальных устремлений и на получение гарантий безопасности в рамках Объединенных Наций.

Анализируя эти истоки внешней политики, сложно прийти к выводу, что атлантический западный выбор Италии обеспечил ей независимую внешнюю политику. Но вместе с тем сложно согласиться с противоположным выводом, что проведение этой политики осуществлялось под полным диктатом со стороны США. Более корректным является вывод о том, что не только для Италии, но и для всех европейских стран выбор определенного лагеря был вызван жесткими ограничениями со стороны новой системы международных отношений, политического и идеологического климата, который пронизывал мировой порядок весь этот период.

Обращаясь к итальянскому случаю мировой политики, следует добавить, что бремя зависимости, которое вытекало из самой логики международной обстановки делало этот выбор практически неизбежным. Бремя международной ответственности не было результатом диктата США, а принято на себя Италией в условиях тотальной слабости, и на основе стратегии, определенной этой слабостью. В течение кратчайшего времени эта стратегия развела победителей. С одной стороны, атлантическая верность на полвека предопределила внутреннюю политическую систему и формы политической борьбы. С другой стороны, та спайка, которая стала связывать Христианско-демократическую партию как гегемона правительства, лидера в области экономики, культуре и политике, и американских военных, ограничивала инициативу Италии в области внешней поли-

тики и парализовала деятельность всего правящего класса в международной области. Отсюда, возможно, справедливость обвинений в адрес послевоенной внешней политики Италии и ее проводников. В ряде случаев такая оценка является верной, однако нельзя сводить внешнюю политику республиканской Италии только к этому.

В узком пространстве возможностей, оставленных биполярной системой, Италия выполняла свою самостоятельную международную роль, искала и находила в Европе максимальные возможности для самореализации. Также в южном европейском и Средиземноморском пространстве осуществляла самостоятельные и оригинальные инициативы.

Вместе с тем, нельзя не сказать о пороках итальянской внешней политики, которые были связаны не только с биполярным противостоянием, но и находились в укоренившихся традициях внешней политики, как либерального, так и фашистского периодов. Достаточно вспомнить о проектах итальянской дипломатии периода вьетнамского конфликта, в которых проявилась нереальность наличия какого-либо итальянского экономического и политического влияния на процессы в Юго-Восточной Европе. Или неспособность какой-либо самостоятельной политики в Латинской Америке, например, в странах как Аргентина и Венесуэла, где существовали благоприятные условия для двусторонних отношений. Но не только этим отличалась внешняя политика. Были также проблески активизма, особенно, в период президентства Гронки. Однако нельзя не сказать о постоянной подчиненности внешней политики внутренней политике с последствиями в значительной части негативными, когда речь шла о том, чтобы принимать в расчет неизбежный конфликт между правительством и оппозицией. Таких примеров было нескончаемо много в течение всего послевоенного периода, например, двойственность решений в отношении СЕСА, а затем в отношении СЕД, первоначальное прохладное отношение к формированию UFO, двойственность в отношении арабо-израильского конфликта и затем в период шестидневной войны (1967 г.).

Следует также сказать не только об ответственности правительства, политических партий, дипломатов, но также общественного мнения, способного мобилизоваться перед лицом международных кризисов, прежде всего, если происходит его военное развитие. Даже сегодня можно говорить о наличии серьезной проблемы в этом вопросе. Крайне важным является, чтобы в разработке внешнеполитического проекта политические силы не путали собственные интересы с национальными и каждый гражданин держал бы в своем сознании как часть своей собственной жизни ответственность за внешнеполитические действия. Не всегда это проявлялось в рассматриваемые в данной статье годы и не всегда это проявляется сегодня.